В вековой истории «Южного Урала» одной из ярких вех стал август 1991 года. Попытка закрыть издание по политическим мотивам — явление знаковое. Благодаря сплочённости коллектива газеты и поддержке читателей «демократическая» затея провалилась. Но неудавшийся государственный переворот августа 1991-го дал начало цепи событий, приведших к коренным изменениям жизни всей страны и в том числе — в средствах массовой информации.

Заложники свободы

События августа 1991-го развивались стремительно. Мы понимали, что газета может лишиться единственного учредителя и прекратить выход. Главный редактор Владимир Иванович Никитин после обсуждения ситуации в редакции пошёл в обком партии и, к нашему удивлению, там практически сразу согласились

ввести в состав учредителей трудовой коллектив. Всё это было должным образом оформлено, поэтому, когда вскоре обком прикрыли, «Южный Урал» стал выходить под учредительством самой редакции.

Но началась охота на ведьм. Формировались разные группы «чистых демократов». Я их так называю, потому что, думаю, действовали они из благих побуждений, хотели принести пользу стране и сбросить с общества партярмо. Правда, уже в первые дни стало ясно, что практически все объявившиеся демократы сами действуют методами большевиков. Участвовали в процессе переустройства и некоторые журналисты. Они постоянно сообщали по областному радио о каких-то политических событиях. Замечали, что из трубы Дома Советов идёт дым, — сигнализировали: коммуняки сжигают компромат, надо срочно разобраться. И «чистые демократы» бежали разбираться. А на многочисленных митингах зазвучали призывы прикрыть бывшую партийную газету.

Выход прекращён

Вскоре мы ощутили на себе все «прелести» переустройства. Облисполком не хотел делать перерегистрацию «Южного Урала», и мы практически не имели права выходить. А однажды в редакции распространился слух, что пришли с нами разбираться. Я в то время работал ответственным секретарём. Узнав о случившемся, сразу поднялся на пятый этаж Дома печати, где размещался кабинет главного редактора. Пришедшие требовали ни много ни мало — прекратить выход газеты. Называть я их не буду, так как многие фамилии ничего ныне не скажут, никто из «чистых демократов» не заслужил ни портфелей, ни положения. Было их четверо — трое гражданских и милиционер. Они ссылались на распоряжение тогдашнего председателя горисполкома Геннадия Донковцева. Якобы тот настоял на закрытии газеты и освобождении помещения.

Логика была проста: раз нет обкома партии, не должно быть и его печатного органа.

Довод, что коллектив редакции является соучредителем газеты, не воспринимался. Настрой у «гостей» был чисто большевистский: мы пришли вас закрывать. А на вопрос, кого эта группа представляет, ответ был не совсем ясный — инициативная группа. И тон у граждан был соответствующий. Чего не имелось, так это кожаных курток. Переговоры, вернее, пререкания, длились несколько часов, пока Владимир Иванович Никитин не дозвонился до Донковцева. Хотя какое председатель горисполкома имел право закрывать издание, было непонятно. Тот рассмеялся и сообщил, что всё это чья-то самодеятельность.

Было уже поздно, однако сотрудники редакции не расходились, прозвучало даже предложение вынести из кабинета главного редактора «гостей» на руках. Но те в итоге сами ретировались.

Подпольный номер

Это была ещё не победа. Мы понимали, что подобным людям ныне открыты все двери. Они могут, к примеру, запросто заявиться ночью и опечатать кабинет. А потом привлечь к ответу за самовольное проникновение в помещение. Стало ясно, что надо кого-то оставлять в приёмной и кабинете главного редактора. Мы с редактором отдела информации Сергеем Бурдыгиным среди мужского состава редакции были самыми молодыми и остались дежурить. Сергей занял кабинет Никитина, а я сел за стол в приёмной. Как мы должны были оказывать сопротивление, никто из нас не представлял. По крайней мере, если бы пришли опечатывать, мы могли бы говорить о насильном лишении свободы. Ночь прошла тихо, оба честно бодрствовали. Но к утру я не выдержал и не заметил, как прилёг на диван. И сквозь сон вдруг услышал в коридоре шаги. Ну, думаю, враг близко. А сил сопротивляться совсем нет — сон одолевает. Кое-как поднял голову, а Бурдыгин, идя из коридора, смеётся: «Проспал ты врага. Я два раза мимо тебя курить уже выходил».

Сколько было на тот момент у газеты недругов, но друзей оказалось гораздо больше. Все в редакции понимали, что надо

Явившись в кабинет главного редактора Владимира Никитина (в центре, под портретом В.И. Ленина), «чистые демократы» были настроены очень решительно. Заместитель главного редактора Фёдор Подольских (слева) пришёл поддержать руководителя газеты.

как-то рассказать читателю о сложившейся ситуации. Мы же не исполняли своих обязанностей перед подписчиками, а их тогда было более 90 тысяч человек. Стали искать возможности. Все переговоры вели Владимир Иванович Никитин и Евгений Александрович Хмелевский — он тогда перешёл из ответственных секретарей в Союз журналистов, но по-прежнему болел за редакцию и всячески помогал. Они договорились с обкомом профсоюзов о вёрстке двухстраничного номера «Южного Урала» на компьютере. Это для нас было новинкой. Журналисты быстро сделали колкие заметки. На первую полосу поставили материал редактора отдела сельского хозяйства Юрия Сердюкова «Печать за семью печатями». Заголовок говорил сам за себя, мы попытались уличить инициативную группу в произволе, а работников облисполкома и депутатов областного совета в ошибке — газета не может быть закрыта, пока у неё есть учредитель.

После вёрстки газеты в обкоме профсоюзов (думаю, теперь эти секреты не нанесут никому вреда) странички были переданы для печати в... аппарат облисполкома. Там на ксероксе нам подпольно отпечатали около тысячи экземпляров «Южного Урала».

Сейчас всё это, как сказал тогда один из ответственных сотрудников областного совета депутатов, «мальчишество» вспоминается с доброй улыбкой. А тогда мы не знали, чем могла аукнуться наша самодеятельность. Поэтому всё старались делать в строгой секретности, даже по телефону говорили намёками. В день, когда собиралось заседание депутатов облсовета, я забрал в этом же здании подпольный выпуск и, поскольку мне необходимо было уехать из города, весь тираж оставил на вокзале в камере хранения. Позвонил Бурдыгину, который должен был организовать раскладку этих номеров на кресла депутатов перед заседанием. По телефону без лишних подробностей я назвал лишь номер секции и код камеры хранения.

В этот же день оставшиеся экземпляры мы постарались доставить до читателя. Кто как мог. Например, редактор отдела советского строительства Раиса Ефремовна Фомина отправилась на автовокзал, заходила в автобусы и передавала пассажирам газеты в сёла.

Правда, сотрудники облисполкома, с улыбкой воспринявшие наш подпольный выпуск, объяснили остановку выхода «Южного Урала» лишь необходимостью перерегистрировать издание в связи с потерей одного из учредителей.

А через день-два мы дождались реакции читателей. Люди присылали телеграммы поддержки, письма с вопросами, как они могут помочь преодолеть произвол, предлагали свои невеликие средства на издание газеты. Один председатель колхоза отправил телеграмму с сообщением, что в знак протеста против остановки «Южного Урала» он прекратил

отгрузку зерна нового урожая государству.

Общими усилиями сопротивление разных инициативных групп удалось сломать. Табу на издание было снято через шесть дней, газету зарегистрировали, и вскоре вышел новый — непартийный номер «Южного Урала».

Власть просила находить хорошее

И в дальнейшем взаимоотношения новой областной власти и газеты складывались не самые дружественные. По многим вопросам, не только политическим, позиции были прямо противоположными. Со страниц газеты потоком шла критика действий местных и федеральных властей. Ситуация, когда незначительная кучка стала быстро обогащаться (Ельцин заявил, что обществу нужны миллионеры), а большинство осталось с пустыми карманами, быстро отрезвила многих. Помню, пожилой активист Докучаев, на митингах громче всех призывавший прикрыть «Южный Урал», пришёл в редакцию с возмущением: «Что же делается, дети работают без зарплаты. Все живём на одну мою пенсию! Разве за это мы боролись?»

Была критика и по конкретным случаям бесхозяйственности местной власти и руководителей разных производств. Правда, областное руководство первоначально её не принимало, называя всё это отрыжкой нашего партийного прошлого. Но факты, о которых говорила редакция (к примеру, что оборудование по переработке молока год простояло под открытым небом и стало непригодным для монтажа), были неопровержимы, и властям приходилось реагировать на критику. В общем, в один из рабочих дней в редакции появился наш товарищ и по совместительству пресс-секретарь губернатора и сообщил: Елагин сказал, чтобы на его столе каждое утро лежал свежий номер «Южного Урала». До этого губернатор принципиально игнорировал газету.

А через какое-то время в редакцию пришёл со своей помощницей председатель областного совета депутатов Валерий Николаевич Григорьев, к тому времени совет уже стал соучредителем газеты. Пришёл, так сказать, побеседовать в неформальной обстановке — с бутылочкой коньяка. Никитин пригласил меня — остальные сотрудники уже разошлись по домам. Разговор был доброжелательным. Но понятно, что сам Григорьев просто так не пришёл бы. Всё прояснилось при расставании — он попросил, чтобы газета находила по области и что-то хорошее: ведь многое всё-таки делается. И обязался сам написать позитивный материал. Кстати, обязательство своё вскоре выполнил: написал статью об открытии в Первомайском районе спиртоводочного завода.

«Южный Урал» искал позитив, но с этим было очень туго — читательская почта сообщала всё время об иных фактах…